

© 1994 г.

ЭКОЛОГИЯ И АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Слово «экология» возникло недавно и не имело естественных корней; образованное путем искусственной комбинации двух слов — «экономика» и «биология» — оно должно было дать определение «науке об "экономике" животного и растительного мира, той части биологии, которая исследует отношения живых организмов к окружающей среде, их поведение, образ жизни и т.д.» (согласно Оксфордскому словарю английского языка)¹. Похоже, это слово изобрел около 1866 г. великий ученик Дарвина Эрнст Геккель, профессор зоологии Иенского университета. По крайней мере, именно в этом году Дарвин, получив «Общую морфологию»

¹ Oxford English Dictionary, первое издание см. «oecology», второе издание см. «ecology».

Геккеля, жаловался: «Количество новых слов для человека, который, подобно мне, плохо знает греческий, просто ужасно». Одним из этих слов было «Oikologie»². Именно благодаря переводу «Истории творения» Геккеля (1876) этот термин впервые появился в английском языке. В авторском предисловии говорится: «Все разнообразие связей, возникающих у животных и растений между собой и по отношению к внешнему миру, с которыми имеет дело экология живых организмов... получает простые и естественные объяснения только на основе теории о приспособлении и наследственности»³.

Эта фундаментальная идея «экономики» биологического мира отражается на ранних этапах употребления слова: так, например, Г. Дж. Уэллс, восстанавливая обратную связь между понятиями, утверждает, что «экономика — это экология человеческого рода»⁴.

Без сомнения, политическое значение слово приобрело только в самое недавнее время: я не читал «The Politics of Ecology» (1963) Олдоса Хаксли, но подозреваю, что именно под влиянием своей знаменитой семьи ученых-биологов он невольно предвосхитил направление этого развития, которое началось только после 1970 г. Собственно, именно эти новейшие взаимосвязи объясняют, как экология, не выходящая вначале за рамки изучения животных и растений, обратилась к исследованию взаимодействия человека (как одного из представителей животного мира) с окружающей средой.

Таким образом, когда современные авторы говорят об «экологии древней Греции», они включают человеческую деятельность в систему факторов биологических изменений, совершенно игнорируя то обстоятельство, что в процессе длительной эволюции человечества собственно исторический период может рассматриваться лишь как играющий маловажную, второстепенную роль. Именно поэтому в своем обзоре я стремился сопоставить модную в настоящее время концепцию экологии с более традиционной и лучше разработанной дисциплиной — аграрной историей, которая не без оснований ограничивается исследованием коротких исторических промежутков, соизмеримых со временем существования отдельных цивилизаций.

История изучения отношений между человеком и окружающей его средой имеет богатое прошлое: она начинается с признания важности для исторической реконструкции географических факторов. Систематическое изучение этих факторов восходит к XVIII и продолжалось в XIX столетии, но не будет преувеличением отнести зарождение этого интереса, по крайней мере, к V в. до н.э.: я имею в виду таких авторов, как Геродот и Гиппократ (в его трактате «О воздухах, водах и местностях»). Историческая география в том виде, в каком она сложилась в текущем столетии в трудах исследователей, подобных Дж. Майрсу (ограничимся здесь английским примером), сохраняет свое значение, поскольку эти ученые и путешественники знакомы с обликом Средиземноморья до того, как он был безвозвратно утерян с развитием современной промышленности и научной организации сельского хозяйства. Справочные путеводители Британского Адмиралтейства по Греции и Италии, изданные Дж. Майрсом и его помощниками во время второй мировой войны, до сих пор служат отправным пунктом при изучении сельских местностей Средиземноморья⁵.

Однако историческая география рассматривала географию как преимущественно описательную дисциплину, чьи данные о неизменной природной среде могут помочь в объяснении определенных закономерностей и движущих сил человеческой истории; человек же по-прежнему оставался в центре внимания исторической науки. Аграрная история, впервые получившая развитие в исследованиях по истории средневековой Европы, особенно в трудах

² См. Desmond A., Moore J. Darwin. L., 1991. P. 541—542.

³ Evolution of Man. 1879. V. I. P. 114. См. предисловие к «Истории создания».

⁴ Wells H.G. Work, Wealth and Happiness of Mankind, 1932. V.I. P. 29.

⁵ О сэре Джоне Майрсе, знаменитом капере, секретном агенте и первом профессоре греческой истории Оксфордского университета, см. Boardman J. DNB (1959—1960). Oxf., 1971. P. 762—763; Dunbabin T.J. Proceedings of the British Academy. 1955. V. 41; Myres J.N.L. (сын Майрса). Commander J.L. Myres, R.N.V.R., the Blackbeard of the Aegean. 10th Myres Memorial Lecture, L., 1980. Сборник его очерков «Geographical History in Greek Lands» (Oxf., 1953) еще сохраняет свое фундаментальное значение. Путеводители Британского Адмиралтейства впервые были опубликованы более чем в пятидесяти томах во время первой мировой войны географической секцией входившего в состав министерства управления морской разведки. Новая серия была выпущена во время второй мировой войны группой ученых при участии Майрса; следующие тома, имеющие отношение к Греции и Италии, составлены в Кембридже и Оксфорде: «Greece» (3 vols, March 1944—August 1945), B.R. 516; Geographical Handbook Series, Naval Intelligence Division; «Italy» (4 vols, February 1944—December 1945), B.R. 517; «Dodecanese» (2nd ed., 1943) B.R. 500. Авторство последнего тома почти целиком принадлежит Дж. Майрсу.

ранней школы «Анналов», напротив, интересовалась влиянием человека на окружающую среду: каким образом, эксплуатируя природные ресурсы, человек формировал ландшафт места своего обитания. Таким образом, аграрная история предполагает изучение полноценного взаимодействия между человеком и природой, рассматривая человека как главную действующую силу, но не центральную фигуру этого процесса. В отличие от исторической географии, где природа воздействует на человека, в аграрной истории человек оказывает влияние на природу.

Цель этого предисловия — показать, что изучение экологии древнего мира является не какой-то новой дисциплиной, использующей новые методы, но развитием прочно укоренившегося направления исследований и предполагает скорее приспособление уже имеющихся приемов анализа к современным интересам, нежели создание новой науки. Осознать это очень важно: ведь только таким образом мы сможем воздать должное достижениям прошлого и оценить по достоинству как огромный объем проделанной работы, так и разнообразие имеющихся в нашем распоряжении методов исследования и категорий данных. Я проиллюстрирую эту мысль ссылкой на недавно вышедший объемистый труд Роберта Саллареса «Экология древней Греции»⁶, первое большое исследование о древности, в названии которого употреблено слово «экология». Несмотря на огромную и многостороннюю эрудицию, работа вовсе не является (как об этом заявляет издатель, но не автор) «первой исчерпывающей экологической историей древней Греции». Напротив, она представляет собой подробное и очень содержательное исследование двух сравнительно традиционных вопросов, которые разрабатывались историками древнего мира по крайней мере на протяжении столетия. Прежде всего, это демография древней Греции, впервые исследованная с научной точки зрения Юлиусом Белохом в 1886 г. и в самое недавнее время пересмотренная в отношении классических Афин М.Х. Хансеном в его небольшой книжке «Демография и демократия»⁷. Вопросы, обсуждаемые Салларесом, — численность населения, смертность и продолжительность жизни, рождаемость и планирование семьи, система возрастных классов, структура семьи и влияние болезней — далеко не новы (что он и сам хорошо понимает), хотя отвечает на них автор часто по-новому, при этом всегда учитывая биологические факторы гораздо более систематически, чем это делалось прежде. Другая традиционная проблема, разрабатываемая автором, — собственные зерновые ресурсы Аттики. Здесь его аргументы сложны и радикальны, а вывод состоит в том, что Аттика в основном сама обеспечивала себя зерном. Несмотря на внимание к проблеме урожая зерновых и выведения сортов пшеницы, тезис автора кажется мне неубедительным, поскольку делает необъяснимой внешнюю политику и торговлю Афин, равно как и развитие производства зерна в Южной России. Но в любом случае автор, опять-таки, вносит вклад в изучение традиционного вопроса, занимавшего ученых со времени Ростовцева и Кавеньяка (хотя эти имена не значатся в библиографии). Более существенно, пожалуй, то, что работа, в которой только шесть страниц посвящается оливководству и вообще не упоминается о скотоводстве и виноградарстве, не может претендовать на отражение адекватной картины сельскохозяйственного производства в древности, равно как и древней экологии в целом.

Если экология и может прибавить что-то новое к изучению древней истории, так это комплексность задачи, которую она ставит перед собой: включение человека как активной силы и природной среды в общую картину и использование для этого всех возможных категорий данных и приемов исследования. Поэтому в своем обзоре возможных тем для открывающейся на страницах ВДИ дискуссии по экологии древнего мира я попытаюсь, во-первых, поставить вопросы и снабдить некоторые из них современными ответами, и, во-вторых, рассмотреть круг доступных нам данных.

Любая дискуссия об экологии в древности должна начинаться с определения неизменных географических элементов: горного и равнинного рельефа, типов почвы, годовой нормы осадков и амплитуды температур. За некоторым исключением, о котором будет сказано ниже, эти элементы можно рассматривать как относительно постоянные в рамках исторического периода и потому доступные для изучения в настоящее время. Кроме того, недавние исследования выявили два существенных момента. Во-первых, было установлено, что говорить об общесредиземноморской географии неправильно, так как в каждом районе существует свой собственный микроклимат и экосистема. Так, Оливер Рэкхем подчеркивает, что климат Западной Греции совершенно отличен от климата Восточной, и естественная растительность

⁶ Sallares R. The Ecology of the Ancient Greek World. L., 1991.

⁷ Hansen M.H. Demography and Democracy. Denmark, 1986.

страны варьируется от густых лесов до поросших кустарником полупустынь⁸. Второй важный момент состоит в том, что в рамках каждой экосистемы существует множество кратковременных отклонений, которые влекут за собой проблему пере- и недопроизводства в отдельные годы и целого комплекса предупредительных мер, предпринимаемых человеком⁹.

Два вышеупомянутых фактора — разнообразный ландшафт и изменяющийся климат — послужили причиной того, что во всех районах успешной эксплуатации природных ресурсов было намеренно создано смешанное аграрное производство: специализация стала возможна только в районах с относительно стабильным климатом или относительно однородных в географическом отношении, таких, как Южная Италия, Сицилия и Южная Россия. В материковой Греции наиболее продуктивным типом аграрного производства было смешанное, использующее многочисленные ресурсы на разных площадях и потому менее подверженное риску. (Позже я постараюсь продемонстрировать это на примере Аттики.) Здесь, однако, необходимо отметить, что крестьянское аграрное производство нельзя рассматривать как нечто замкнутое: обмен, разнообразие и специализация типов деятельности являются существенными элементами стратегии эксплуатации земли в Средиземноморье.

Все это, конечно, значительно усложняет поиски ответа на вопросы историка: происходили ли какие-либо изменения в использовании земель, агротехнике или ассортименте выращиваемых культур? Картина, должно быть, была довольно пестрой, и поэтому данные допускают различное толкование. Все же, как кажется, у нас нет определенных указаний на то, что за исторический период в традиционно сельскохозяйственных областях Греции произошли сколько-нибудь значительные изменения в землепользовании. Переход от охоты и собирательства к земледелию произошел в более ранний — доисторический — период. Предполагаемый переход от скотоводства к выращиванию зерновых падает на «темные века» и подтверждается почти исключительно письменными свидетельствами о ратоне гомеровских героев, который озадачивал уже комментаторов классического времени¹⁰. Мы ничего не знаем о переменах такого масштаба в исторический период, хотя предполагаем ряд изменений, таких, как рост виноградарства и оливководства в архаическую, и, возможно, скотоводства в эллинистическую эпоху; в различные периоды на передний план выходили различные виды рабочей силы. Все эти перемены, по-видимому, коренились в изменении социальной организации; однако общие предположения чрезвычайно трудно конкретизировать в отношении аграрного производства, столь подверженного локальным различиям.

Исследователи часто с уверенностью говорят о том, что в древности происходило улучшение сортов, но, опять-таки, свидетельства об этом недостаточны, а интерес древних авторов к улучшению пород животных не предполагает однако хоть сколько-нибудь серьезного понимания ими природы селекции растений. Без сомнения, определенные изменения возникали в процессе практической деятельности, но понадобится еще длительное изучение видов растений, как злаковых, так и бобовых, а также найденных при раскопках растительных остатков, прежде чем мы сможем подтвердить это общераспространенное мнение.

Еще одна область исследований всегда порождала множество общих теорий: проблема экологических катастроф. Мысль об ответственности человека за разрушение естественного ландшафта возникла задолго до нашего времени: древние греки тоже верили в золотой век, когда человечество еще не знало плуга и войны. Однако предположения о вызванных человеком природных катастрофах в древнем мире имеют очень зыбкие основания. Наиболее правдоподобной считается гипотеза об уничтожении лесов, которое якобы повлекло за собой эрозию почв, климатические изменения, заболачивание, распространение малярии, и в конечном счете привело древний мир к гибели. Слабость такого рода теорий о катаклизмах известна, что же касается данного конкретного случая, то в недавней работе Оливера Рэкхема реальность уничтожения лесов была подвергнута серьезным сомнениям. Согласно Рэкхему, лесной покров Греции в древности был практически таким же, как и сейчас. Большие лесные массивы существовали на западе и на севере, а мелкохвойный и кустарниковый покров Аттики и Беотии и сейчас характерен для южных и восточных областей. Именно использование этой редкорастущей и самовосстанавливающейся растительности (применявшееся вместо техники

⁸ Rackham O. Ancient Landscapes // The Greek City / Ed.O. Murray, S. Price. Oxf., 1990. P. 85—111; cp. *idem*. Observations on the Historical Ecology of Boeotia // BSA. 1983. V. 78. P. 291—351.

⁹ Gallant T.W. Risk and Survival in Ancient Greece. Oxf., 1991. Книга снабжена великолепной библиографией.

¹⁰ Из последних работ см.: Snodgrass A.M. An Archaeology of Greece. California, 1987. Ch. 6: «The Early Iron Age of Greece».

периодической вырубке лесных делянок — столь характерного для северных стран метода безущербной эксплуатации лесов) и доставляло достаточное количество древесного угля таким городам, как Афины, его также хватало и для металлургического производства. Вот как об этом пишет сам Рэкхем: «Часто считают, что некогда в Греции росли великолепные и обширные леса, которые постепенно и неуклонно уничтожались в течение тысячелетий, страдая от выпасов и вырубки, расходуясь на топливо. Почва, которую сохраняли их корни, уже не удерживалась корнями пришедших им на смену кустарников и вымывалась на равнины или в море. Все это привело, возможно, даже к изменению климата. "Уничтожение лесов на Балканском полуострове было одним из главных преступлений человека против природы, и, возможно, против самого себя" (Turill). Хронология этого процесса неясна, но большинство авторов предполагает, что множество лесов еще существовало в классический период и начало исчезать в более позднее время.

Эта теория зародилась в Западной Европе и появляется в записках путешественника XVIII в. Соннини (Sonnini S. *Voyage en Grèce et en Turquie, fait par ordre de Louis XVI. P., 1801*). Она была впоследствии приписана Платону, но Платон вполне определенно свидетельствует, что недостаток почв служит причиной, а не результатом недостатка деревьев, и в любом случае соответствующий отрывок (Crit. 111 C) принадлежит литературному, а не историческому произведению. Существуют два взгляда на эту теорию. Первый исходит из среды студентов и свободных художников, образованных в области классической литературы, место действия которой бессознательно подменяется в их представлении ландшафтом собственной страны. Приезжающий в Грецию француз или англичанин, образованный в традициях аббата Бартелеми (Barthélemy J.J. *Voyage du jeune Anacharsis en Grèce P., 1788* — бестселлер, имеющий множество изданий и переводов), ожидает увидеть там героев, пронзающих копьём дикого кабана в густых чащах, и нимф, плавающих в кристально чистых источниках; находя же в действительности спутанные колючие дубы и слабо бьющие роднички, он заключает, что земля изменилась к худшему по сравнению с классическим временем. В основе второго взгляда лежит представление о том, что однажды вырубленные деревья могут быть восстановлены только в результате намеренных, сознательных действий человека. Это представление, как мы видели, в отношении Греции имеет не больше оснований, чем в отношении Европы, но от частых повторений оно приобрело характер аксиомы. Исследователи забывают, что исчезновение лесов — это результат вырубки деревьев, не уравновешенной их естественным воспроизводством. Они слишком легко утвердились в мысли, что строители триер, беззаботные пастухи, мародерствующие армии, дурные турецкие управители и алчные лесорубы поколение за поколением, умножая усилия друг друга, способствовали гибели лесов, хотя вполне можно предположить, что одни из них компенсировали ущерб, нанесенный другими. Основные положения этой теории были недавно вновь красноречиво, но некритически изложены Дж.В. Тергудом (J.V. Thirgood) в его работе «Man and the Mediterranean Forest» (L., 1981).

Первоначальный растительный покров Беотии — леса и степи — фактически был частично превращен в сельскохозяйственные угодья, частично сменился пестрой чередой рощ, кустарников и степей. Большая часть лесистой местности в прошлом была покрыта кустарником, и только очень небольшие участки в горах сохранили изначальный лесной покров. Состав рощ был значительно изменен под воздействием выпасов: наиболее чувствительные к этому фактору виды деревьев исчезли (каменный дуб) или были вытеснены на скалы (липа), деревья средней чувствительности сохранились в очень ограниченном количестве (падающие дубы), а удельный вес нечувствительных видов — таких, как колючий дуб и ель — соответственно возрос. Использование на топливо также влияло на видовой состав деревьев, хотя и не столь сильно и заметно.

Каким образом происходили эти изменения и сколько они продолжались, неизвестно. Но совершенно ясно, что основные структурные сдвиги произошли в доисторическую эпоху и уже закончились к началу классического периода. Изменение же видового состава почти наверняка шло дольше и, возможно, продолжается по сей день¹¹.

Другие теории об экологических катастрофах, будь то природных или вызванных человеком, так же трудно поддаются обоснованию. Сегодня уже никто не разделяет взгляды Риса Карпентера¹² в том, что феномен «темных веков», обрамлявших классическую эпоху, объясняется климатическими изменениями в Средиземноморье. Даже идея о том, что

¹¹ Rackham O. Observations on the Historical Ecology of Boeotia // BSA. 1983. V. 78. P. 345—346.

¹² Carpenter R. Discontinuity in Greek Civilization. N.Y., 1968.

извержение вулкана на о-ве Фера может служить объяснением гибели Минойской цивилизации, находит мало подтверждений. Недавно Джон Кэмп попытался связать наглядное увеличение количества погребений в Афинах конца VIII в. до н.э. и новых колодцев на агоре с колонизационным движением и исчезновением многих небольших поселений в материковой Греции, и представить все эти явления как следствие не благосостояния, но чумы и голода, вызванного засухой¹³. Однако этой гипотезе противоречат очевидные исторические данные о том, что доминирующей тенденцией в VII в. до н.э. была тенденция к экономическому подъему и урбанизации. Большинство историков в настоящее время очень скептически относятся ко всякого рода теориям о глубоких изменениях, связанных с природными катастрофами. совершенно справедливо, на мой взгляд, считая эти теории результатом драматизации современных проблем, а также преувеличением способности древнего человека повлиять на окружающую среду и нарушить тенденции саморегуляции, естественные для любой экосистемы. Обнаружить изменения окружающей среды в пределах столь короткого промежутка времени, как несколько столетий классической эпохи, чрезвычайно сложно: наиболее значительные перемены, по-видимому, либо произошли раньше, либо относятся к периоду между 600 и 1600 гг. н.э.

Гораздо легче продемонстрировать важность влияния на изменение ландшафта Греции человеческих факторов, под которыми я имею в виду факторы, независимые от природной среды, но являющиеся результатом организации человеческого сообщества, использующего ее ресурсы. Салларес совершенно прав, подчеркивая важность демографии: мы никогда не поймем характера землепользования, не составив себе хотя бы приблизительное представление о численности населения, которое эксплуатирует эту землю и живет за счет нее. Однако едва ли не меньшее значение имеет организация этого населения: тип землевладения определяет собой способы использования природных ресурсов. Благодаря системе частной собственности и наследования одинаковых клеров в греческом мире сложилось относительное равенство земельных участков и возникла широко распространенная форма расселения на равнинах: все больше и больше данных свидетельствует, что население равномерно распределялось по всей местности, а не концентрировалось в больших городах, составляющих центр притяжения для округи (как предполагалось учеными раньше)¹⁴. В ходе археологических разведок обнаружилось, что деревни и отдельные крестьянские дворы были широко распространенной формой расселения, по крайней мере в периоды расцвета, такие, как классический и позднеантичный. Их исчезновение в эллинистическое время и период ранней Империи, по-видимому, означает уменьшение сельского населения и концентрацию имений в руках немногих богатых собственников.

В холмистых районах возникает другая форма — большие поселения, расположенные, как видно, в местах, удобных для пастбищного скотоводства, а не оседлого земледелия; значение овец и коз для экономики страны, где сыр, шерсть и кожа были основными предметами потребления, а жертвоприношения животных — обычной практикой, недавно подчеркивал М. Джеймсон¹⁵. Но опять-таки, организация человеческого общества может меняться: данные о Греции архаического и классического периода свидетельствуют о том, что возвышенные участки (*εσοχτοί*) служили общественными выгонами, не состоявшими в частном владении, обеспечивая продуктами значительную массу безземельного ремесленного населения гористой местности, в то время как в эллинистическое и римское время право собственности на эти земли выражено более ярко: по-видимому, оно принадлежало богатым владельцам, имевшим рабов-пастухов.

Все это позволяет мне выделить фактор, ограничивающий пределы любой дискуссии о взаимоотношении человека и природы: размер и характер рабочей силы. Тут мы вступаем в область горячих споров, которые крупные ученые ведут о свободном крестьянстве и масштабах использования рабского труда. Что касается меня, я бы согласился с Эллен Вуд, что рабство в сельском хозяйстве не было значительным явлением в классическую эпоху, по

¹³ *Camp J.* // *Hesperia*. 1979. V. 48. P. 397—411.

¹⁴ См., например, *Pečirka J.* *Homestead Farms in Classical and Hellenistic Hellas* // *Problèmes de la Terre en Grèce ancienne* / Ed. M.I. Finley. P., 1973. P. 113 f.; *Jones J.E., Graham A.J., Sackett L.H.* *An Attic Country House below the Cave of Pan at Vari* // *BSA*. 1973. T. 68. P. 356—452; *Osborne R.* *Demos: the Discovery of Classical Attika*. Camb., 1985. ch. 2; *idem.* *Buildings and Residence on the Land in Classical and Hellenistic Greece: the Contribution of Epigraphy* // *BSA*. 1985. T. 80. P. 119—128; *idem.* *Classical Landscape with Figures*. L., 1987. Ch. 3.

¹⁵ *Jameson M.H.* *Sacrifice and Animal Husbandry in Classical Greece* // *Pastoral Economies in Classical Antiquity* / Ed. C.R. Whittaker. Camb., 1988. P. 87—119.

крайней мере в Аттике, однако мнение это спорное (против него выступают де Сен-Круа и М. Джеймсон)¹⁶. Понятно, что такие города, как Спарта и Аргос, должны были иметь совершенно иной характер, и именно потому, что в них существовала другая организация труда. Старое марксистское положение о том, что организация труда определяет способ производства, также справедливо и имеет большое значение для изучения отношений между человеком и природными ресурсами.

Наконец, в этой дискуссии об экологии и аграрной истории мне бы хотелось подчеркнуть принципиальную разницу между так называемыми «традиционными», или естественными, формами расселения и созданием искусственного ландшафта. В каком-то смысле многие греческие города существовали на фоне искусственного ландшафта, возникшего в результате разделения земли между гражданами в определенный исторический момент. Однако большинство городов материковой и островной Греции использовали также и природное разнообразие окружающей местности, создавая, как я уже говорил, смешанное аграрное производство на принципах обмена и специализации. Между тем в некоторых районах — на юге Италии, в Крыму — развивалась плановая, более или менее монокультурная аграрная экономика: она была обусловлена стабильностью климата и однородностью местности, но также и существованием торговых путей для реализации товарных излишков. Таким образом, даже вопросы торговли должны входить в поле зрения исследователя, который взялся за описание экологии древнего мира. В самом деле, разве не торговля способствовала проникновению в древнюю Грецию, к примеру, важнейшего источника протеина — курятины: куры были завезены туда где-то в начале архаического периода, совершив путешествие по торговым путям Персии и еще более восточных стран.

Изучение экологии древней Греции — это обширнейшая область, границы которой размыты практически в каждой точке, а круг возможных источников, равным образом, почти неограничен. Здесь я могу только попытаться дать их общую классификацию, указать на некоторые опасности, а также ограниченность, присущую различным категориям данных.

В настоящее время любой археологический отчет содержит полный анализ найденных растительных и животных останков, равно как и подробное описание окружающего ландшафта. Новые методы анализа костей и цветочной пыльцы в скором времени, как кажется, будут дополнены методиками, разработанными в молекулярной биологии и смежных областях. Можно ожидать, что в будущем при изучении каждого поселения мы сможем дать детальную характеристику взаимоотношений человеческой деятельности с окружающей природой. Но, я думаю, должно пройти немало времени, прежде чем, сопоставив все эти данные, мы сможем представить себе более общую картину экологии древней Греции. Каждое поселение имеет собственное лицо и специфически местные черты, поэтому масса собранного материала потребует чрезвычайно тщательно разработанной общей программы, если мы хотим в конечном счете получить продуктивные модели. Другими словами, перед нами стоит проблема сбора огромного количества данных и создания теоретической основы для их правильной интерпретации. Археологами и аграрными историками уже достаточно разработаны методы описания отдельных поселений, вопрос в том, какой будет генеральная модель для реконструкции общей картины.

Два хорошо известных метода археологических разведок уже доказали свою полезность для картографирования ландшафтов. Один из них — анализ аэрофотосъемок, начатый после войны пионером в этой области Джоном Брэдфордом¹⁷ на основе фотографий военного времени и продолженный в Англии Дж.К. Сен-Джозефом, чьи снимки древних и средневековых поселений в Британии в течение более тридцати лет почти ежегодно публиковались на страницах «*Journal of Roman Studies*» и других изданий. Похожая работа была произведена и на континенте, в частности в Северной Италии¹⁸. При идеальных условиях такие разведки без всяких раскопок способны предоставить в наше распоряжение карту древних поселений и продемонстрировать тип расселения; часто они доставляют удивительно подробные сведения о характере посевов и формах эксплуатации земель, поскольку оливковые посадки, виноградники и пашня оставляют после себя различные следы. Вместе с тем временные изменения в землепользовании неизбежно ускользают от аэрофотосъемки, поэтому

¹⁶ Об этой полемике см. из новейших работ Wood E.M. *Peasant-Citizen and Slave: the Foundations of Athenian Democracy*. L., 1988; Jameson M.H. *Agricultural Labor in Ancient Greece // Agriculture in Ancient Greece* / Ed. B. Wells. Stockholm, 1992. P. 135—146.

¹⁷ Bradford J. *Ancient Landscapes*, L., 1957.

¹⁸ См., например, Tozzi P. *Storia padana antica: il territorio fra Adda e Mincio*. Milano, 1972; Tozzi P., Harari M. *Eraclea Veneta: Immagine de una città sepolita* (Compagnia Ripreseacree 1984).

она гораздо удобнее для изучения регулярного ландшафта, спланированного на долгий срок, нежели традиционного сельского хозяйства с варьирующимися на одних и тех же площадях культурами.

Подобно аэрофотосъемке, в Англии в настоящее время очень популярны археологические разведки: они позволяют получить большую информацию об обширных территориях с минимальными затратами, без проведения тщательных раскопок; они удобны при обстоятельствах, требующих срочных раскопок, и кроме всего прочего они стремятся сосредоточить свое внимание больше на сельской округе, нежели на самих поселениях¹⁹. Однако делается это недостаточно последовательно, поскольку в действительности археологические разведки выявляют прежде всего материальные следы обитания человека. Они, таким образом, позволяют описать, как люди использовали землю, и могут обнаружить, например, такую практику, как минерализацию почвы (ее индикатором служит окружающая обитаемые поселения зона разброса керамики, поскольку фрагменты глиняной посуды выносились за пределы поселения в процессе удобрения полей). Но при этом разведки все же слишком ориентированы на остатки продуктов человеческой деятельности и не дают точной информации о природном ландшафте. Меня не покидает ощущение, что в настоящее время археологические разведки преследуют очень ограниченную цель, однако, если поставить перед ними более широкие задачи, они вполне могли бы давать детальную информацию о ландшафтах, на основе которой можно было бы составить картину вероятного использования земель в каждой конкретной местности, как, например, было сделано в работе С. Ходкинсона по отношению к округе Мантинее²⁰. Новое направление в археологии еще не внесло достойного вклада в изучение экологии древней Греции. По крайней мере, именно к такому выводу я пришел, прочитав воодушевленную речь Энтони Снодграсса в защиту археологической разведки в его книге «Археология Греции».

Остается нерешенной проблема создания моделей для обработки материала. Были предложены разные подходы, но наиболее распространенные теории подвергаются сейчас резкой критике. Еще достаточно недавно был момент, когда казалось, что подробное изучение сохранившейся до наших дней традиционной агрикультуры может пролить новый свет на сельскохозяйственное производство в древнем мире. В каком-то смысле действительно верно, что изучение традиционного инвентаря доиндустриальной эпохи позволяет лучше представить себе древнюю сельскохозяйственную технику, существовавшие до недавнего времени прессы для выдавливания масла и вина, веялка, плуги, хомуты, и другой инвентарь, как это можно показать, напоминали древние орудия, использовавшиеся для сходных целей²¹. Но эта технологическая «преемственность» скрывала за собой ту глубокую разницу в формах землевладения, социальных отношений и моделях расселения, которая отличает крестьян древней Греции и Италии от их нынешних преемников. Даже в районах отгонного и перегонного скотоводства, которые с течением времени подвергались меньшим изменениям, современный образ жизни и характер использования природных ресурсов редко восходит ко времени ранее XVIII в.²² Совокупность факторов, влияющих на поведение крестьянина, так велика, что было бы просто наивным полагать, будто мы можем реконструировать образ жизни древнего крестьянина, взяв за образец крестьянина современного, пусть даже самого примитивного. По крайней мере, к этому, в частности, сводится заключение исследователя, изучившего современную сельскохозяйственную практику, может быть, глубже, чем кто-либо иной из его сверстников — Пола Холстеда — в его весьма скептической статье «Традиционная и древняя сельская экономика в средиземноморской Европе: велики ли изменения?»²³. Сравнительное эмпирическое изучение древней и современной природы, хотя и может что-то прояснить, указывает не более, чем общие ориентиры.

¹⁹ См. многочисленные статьи А.М. Снодграсса и особенно: *Snodgrass A.M. Archaeology of Greece*. Ch. 3—4; *van Andel H.C., Runnels C. Beyond the Acropolis*. Stanford, 1987.

²⁰ *Hodkinson S. and H. Mantinea and the Mantinike: Settlement and Society in a Greek Polis* // BSA. 1981. V. 76. P. 239—296.

²¹ *Paradosiades kalliergeies* (Benaki Museum Photographic Archive. Athens, 1978); *Forbes H.A., Foxhall L.* «The Queen of all Trees»: Preliminary Notes on the Archaeology of the Olive // Expedition. 1978.21.1. P. 37—47.

²² *Gabba E., Pasquinucci M.* *Strutture agrarie e allevamento transumante nell'Italia romana* (III—I sec. A. C.). Pisa, 1979; *Frayn J.M.* *Sheep-Rearing and the Wool Trade in Italy during the Roman Period*. Liverpool, 1984. Ch. 3. По поводу преемственности и изменений см., например, *Barker G., Grant A.* *Ancient and Modern Pastoralism in Central Italy: an Interdisciplinary Study in the Cicolano Mountains* // BSR. 1991. V. 59.

²³ *Halstead P.* *Traditional and ancient-rural economy in Mediterranean Europe: plus ça change?* // JHS. 1987. V. 107. P. 77—87.

Что касается теоретических моделей, они существуют в изобилии, однако последние исследования в один голос критикуют за упрощенность даже те из них, которые кажутся наиболее достоверными: даже стандартные таблицы ООН по продолжительности жизни, используемые многими демографами, могут обладать скрытыми изъянами, как указывает Салларес. Я и сам неоднократно высказывался в настоящей статье против упрощенного взгляда о существовании однородной аграрной, или примитивной, экономики. Во все времена в сельском хозяйстве Средиземноморья преобладало многообразие, специализированное производство, обмен и рынок, если не рыночная экономика. Из этого следует, что сельская округа не была независима от городского центра, но подчинялась его господству: ведь именно город обеспечивает существование рынка и механизмов обмена, без чего использование разнообразия природного ландшафта Греции было бы невозможным. Поэтому неудивительно, что с упадком городов приходит в упадок и сельская округа: уменьшение следов человеческой деятельности на сельских территориях в определенные периоды, зафиксированные археологическими разведками, должно рассматриваться не просто как признак депопуляции, но как свидетельство разрушения экономической системы.

О трудностях, связанных с использованием моделей, свидетельствует существование двух принципиально противоположных теоретических подходов, которые одинаково активно разрабатываются в настоящее время. Первый из них — более распространенный — можно условно назвать теорией дефицита. Она предполагает, что в древности существовала постоянная нехватка предметов потребления и опасность того, что ресурсы будут недостаточны для удовлетворения имеющихся нужд. Увеличение потребительских ресурсов влекло за собой рост населения, что в свою очередь нейтрализовало наступившие улучшения, и эта мальтузианская борьба, в которой не может быть победителя, продолжалась до бесконечности. Вечный страх перед наступлением голода и установка на выживание — вот чем диктовалось поведение человека в отношении природы. Такой взгляд лежит в основе ряда авторитетных исследований, вдохновленных кембриджским историком Питером Гарнси и осуществленных под его руководством²⁴. Я не хочу отрицать продуктивности приведенного в них анализа многих проблем, но по поводу теории дефицита замечу, что меня гораздо больше впечатляет как раз противоположное явление: способность процветающих обществ производить излишки и использовать их для создания социальной системы и культуры²⁵. Избыток продовольствия, особенно небольшой (в противовес значительным излишкам) формировал общество, члены которого объединялись вокруг праздника и по крайней мере часть своего времени посвящали развлечениям. Фундаментальная работа Маршалла Салинза²⁶ служит отправной точкой теорий, которые подчеркивают изобилие природных даров и гармонию между человеком и природой, основанную на использовании человеком их избытка. Согласно этому взгляду, человек (имеется в виду житель Средиземноморья) живет как бы в вечном раю: ему не нужно много трудиться для удовлетворения своих потребностей, и производство свободного времени составляет важнейшую цель общества; если человек предпочитает работать и получать больше, он делает это не из необходимости, но ради удовольствия.

Окружающий мир может рассматриваться как дружественный или враждебный человеку, в разное время он тот и другой. Но нужно решительно признать, что при создании подобного рода теорий темперамент исследователя играет не меньшую роль, чем данные экологии. Как же избежать этой субъективности, если мы хотим создать действительно реалистичную программу исследований? В заключение я хотел бы привести два соображения.

Мне кажется, что время для общих теорий и систематизирующих трудов еще не пришло. По поводу экологии Средиземноморья в древности мы только и можем сказать сейчас, что она была очень сложна и разнообразна. В настоящее время необходимы конкретные исследования экологии отдельных поселений, ограниченных областей или определенных видов деятельности (рыболовства, виноградарства): подробные описания взаимосвязей в районе тех или иных раскопок (в том числе, что касается использования заболоченных земель)²⁷ или взаимосвязей в

²⁴ См. *Garnsey P. Famine and Food Supply in the Greco-Roman World*. Cambr., 1988; *Trade and Famine in Classical Antiquity* / Ed. Garnsey P., C.R. Whittaker. Cambr., 1983.

²⁵ *Symptotica* / Ed. O. Murray. Oxf., 1990. P. 3—4.

²⁶ *Sahlins M. Stone Age Economics*. Chicago, N.Y., 1972.

²⁷ *Purcell N. Wine and Wealth in Ancient Italy* // *JBS*. 1985. T. 75. P. 1—19; *Tchernia A. Le Vin l'Italie Romaine*. Rome, 1986; *Gallani T.W. A Fisherman's Tale: An Analysis of the Potential Productivity of Fishing in the Ancient Mediterranean*. Brussels, 1985.

пределах более пространной области например, целого острова²⁸ или сравнительно хорошо выделяющейся (хотя и не изолированной) географической единицы, такой, как Аттика или ранний Лаций²⁹.

Хотелось бы также обратить внимание на то, что одна из важнейших областей будущих исследований — это изучение уже упомянутых мной регулярных ландшафтов, где сравнительно стабильный климат и характер местности сочетаются с однородной деятельностью человека и тенденцией к монокультуре, своеобразный контрольный эксперимент на регионе. искусственная простота которого позволила бы нам ответить на ряд вопросов и сформулировать программу исследования других — более сложно организованных — регионов³⁰. С этой точки зрения, мне кажется, Южная Россия более, чем какая-либо другая область подходит для того, чтобы послужить отправной точкой серьезного исследования экологии в древности. Мне бы очень хотелось больше узнать от моих русских коллег о путях и возможностях исследования причерноморских областей: ученым, занимающимся историей древней Греции и Италии было бы чему поучиться у вас*.

О. Меррей

THE ECOLOGY AND AGRARIAN HISTORY OF ANCIENT GREECE

O. Murray

In his discussion the author has sought to combine the currently fashionable concept of ecology with an older and better understood discipline, agrarian history, showing that the study of the ecology of the ancient world is no new development involving specific new techniques, but an extension of well established interests, rather than a new science. The author examines some questions presently discussed (the question of the changes in land-use, agricultural techniques and the nature of crops, the problem of ecological disasters, of the size and character of the labour force, of the different settlement patterns and others). Having briefly considered the evidence and technics available for the study of the ancient world's ecology he comes to the conclusion that our present need is for small-scale ecological studies, of single sites, limited areas, or single activities. One of the greatest potential areas for advance surely lies in the planned landscapes with relatively homogeneous intervention by man and a tendency to monoculture. Ancient south Russia is an example of such area whose superficial simplicity offers a better starting point for a serious study of ancient ecology than almost any other area.

²⁸ *An Island Polity: the Archaeology of Exploitation on Melos* / Ed. C. Renfrew, J.M. Wagstaff. Cambr., 1983; *Stability and Change in the Cretan Landscape* / Ed. D. Grove, J. Moody, O. Rackham. Cambr., 1990.

²⁹ *La formalisation della città nel Lazio* // *Dialoghi di Archeologia*. 1980. N.S. 2.

³⁰ Западные ученые до сих пор опираются на фундаментальную, но, конечно, устаревшую статью: *Dufkova M., Pečirka J. Excavations of Farms and Farmhouses in the Chora of Chersonesos in the Crimea* // *Eirene*. 1970. V. 8. P. 123—174. См. также: *Pečirka J.* // *Problèmes de la Terre*. P. 140—147.

* Перевод Л.В. Семенченко.